

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

В историю человеческой цивилизации XX век, несомненно, войдет как эпоха осуществления благородного по своей идее и антигуманного по своему исполнению широкомасштабного социального эксперимента, связанного с попыткой осознанного влияния человека на ход общественного развития. Этот эксперимент был направлен, прежде всего, на практическое решение одной из актуальнейших социальных проблем – проблемы утверждения в жизни человеческого сообщества приоритета одной из составляющих в оппозиции между индивидуальным и общественным. При этом, как известно, ставка делалась на безоговорочный приоритет общественного над индивидуальным.

Однако этот социальный эксперимент уже стал достоянием истории. А его финал по своим результатам, похоже, стал большой неожиданностью, как непосредственно для самих участников, так даже и для его самых непримиримых оппонентов. Причины, приведшие к этому, несомненно, еще ждут своего должного осмысления. Что, конечно же, станет объектом исследования не одного поколения ученых. Но уже сегодня очевидно одно – проблему смены социальных приоритетов в данной оппозиции нельзя решать без должного понимания закономерностей становления всего многообразия видов отношений и алгоритмов деятельности, характеризующих жизнь всего социума в целом и жизнедеятельность каждого из его членов в отдельности.

Поэтому данная проблема имеет особое практическое значение для всех бывших союзных республик, избравших путь самостоятельного государственного развития.

С одной стороны, это обусловлено невозможностью дальнейшего использования арсенала приемов и способов организации всего многообразия видов человеческой деятельности, выработанных за время строительства социализма. А с другой – путь проб и ошибок, равно как и ориентация на бездумное копирование зарубежных моделей и образцов, оказываются на практике логически несостоятельными, экономически неоправданно затратными, а посему и социально бесперспективными вариантами государственного строительства.

Кроме того, все молодые суверенные государства избрали своей целью построение такого типа сообщества, гуманистический характер которого

соответствовал бы чаяниям всех его граждан и общей тенденции развития современной цивилизации. Как известно, построение правового государства с рыночно ориентированной экономикой в ситуации, сложившейся после развала СССР, было определено ими в качестве наиболее оптимального варианта достижения задуманного.

В этой связи осмысление концептуальных основ теории деятельности и выявление роли и места деятельностного подхода в решении данной, весьма непростой социальной задачи это – не только теоретическая, но и важнейшая практическая проблема. Ее суть состоит в обосновании легитимной возможности организации такого типа человеческого сообщества, который обеспечивал бы свое существование в режиме учета и согласования как любого вида социального интереса (цели), так и интересов (целей) каждого из его рядовых участников, определяемых логикой их индивидуально бытия.

История общества, взятая в экзистенциальном или онтологическом аспектах, есть не что иное, как история эволюции различного рода взаимоотношений между людьми, история формирования определенных алгоритмов организации их социального бытия и непосредственно их индивидуальной жизнедеятельности. При этом существование любого человека как индивида начинается с того, что «потребность (нужда) в пище врожденна, а потребность (и способность) осуществлять поиск пищи, активно сообразуя действия с условиями нашей среды, – нет. Это – очень сложная, прижизненно формируемая деятельность...»¹.

С ее освоения и начинается для каждого человека процесс проявления поистине универсальных, подлинно человеческих качеств, которые приобретаются им только в социальной среде, а не наследуются, как это наблюдается у животных, на генетическом уровне. И здесь трудно не согласиться с мнением Г.С. Батищева о том, что «индивидуальное развитие человека в деятельности и есть самая глубокая движущая «причина», толкающая всемирную историю, и что именно этим развитием «измеряется» и подлинным образом оценивается общественный прогресс»².

Важнейшая особенность нынешнего этапа в развитии молодых суверенных государств состо-

ит в том, чтобы они как единый социальный организм научились развиваться в логике индивидуального развития человека, а не вопреки ей. Кроме того, перестраивая и организовывая все виды социальной деятельности сегодня, это надо делать так, чтобы возможность раскрытия универсальных способностей была доступной каждому члену общества, а не только его отдельной, пусть даже и самой многочисленной, части. И уж тем более не за счет других.

Определение способа существования человека в качестве исходной системообразующей нового типа социальности предполагает совершенно иную организацию «инобытия» индивидуальной жизнедеятельности людей в социальном пространстве. Прежде всего, это связано с тем, что при достижении любой цели, имеющей личный или социальный характер, должна быть в принципе исключена всякая возможность проявления насилия над человеком. И вовсе не важно, касается ли это игнорирования его личных интересов, изъятия его собственности, вовлечения в любой вид деятельности помимо его на это личной воли или желания и т. п.

Нельзя сказать, что для общества пути решения подобной проблемы являются абсолютно неизвестными. К числу наиболее древних и действенных форм, позволяющих справиться с ней на практике, является, к примеру, *обмен*, осуществляемый в режиме взаимной договоренности.

Сам по себе обмен для каждой из сторон представляет сугубо индивидуально значимое действие. Однако именно он содержит в себе в снятом виде истоки многих общественно значимых процессов. Осуществляемый на основе договора, он выступает альтернативой любому насильственному захвату чужой собственности, притеснению другого человека и любым другим формам, исключающим необходимость что-либо согласовывать вообще. Одновременно он является весьма универсальным способом, расширяющим сферу возможностей каждой из сторон при удовлетворении ею любых своих потребностей.

Достигнутое в ходе него согласие сторон означает не только установление адекватного представления у них об эквивалентности того, что подлежит обмену. Одновременно договор устанавливает формальную эквивалентность обязанностей и прав, приобретаемых каждой из сторон. Добровольно соглашаясь на временную (постоянная означает лишение собственности вообще) взаимозависимость друг от друга, налагаемую на них обязательствами, люди в договоре все равно *фор-*

мально остаются собственниками. И, следовательно, относительно независимыми друг от друга. А в эквивалентном тождестве обязанностей и прав, которое устанавливается благодаря договору, «каждый совершает все – отказывается от собственности и приобретает ее, оставаясь в самом отказе собственником»³.

Суть договора и состоит в том, чтобы определить, в первую очередь, меру обязанностей каждой из сторон друг перед другом. Правда, это не всегда осознается должным образом его непосредственными участниками. И именно она, эта мера, выступает тем единственным критерием, благодаря которому, собственно, и можно установить эквивалентность получаемых взамен этого каждым человеком для себя различного рода прав. Поэтому договор, выступая в качестве выработанного и согласованного единого общего «волевого акта», определяет норму предстоящей совместной деятельности для каждого из его участников. Только выполнение своих обязанностей друг перед другом давало возможность каждому рассчитывать в последующем на удовлетворение своих собственных интересов.

Императивность обязанностей перед правами и отличает договорные отношения от всех других видов и форм взаимоотношений в обществе, и только в этом смысле придает им поистине справедливый характер. Отсутствие же в соглашении обязательств одной из сторон, равно как и неэквивалентный характер соотношения между их обязанностями и правами, делает это соглашение договорным лишь номинально. Поэтому соблюдение требований подобного типа договора на практике, как правило, всегда оборачивается ущербом для другой стороны. Что, в свою очередь, исключает возможность повторения подобного соглашения между ними вновь, разве что путем обмана или применения различных видов насилия.

Напротив, присутствие в договоре именно этих его атрибутивных составляющих и неукоснительное соблюдение их требований всеми его непосредственными участниками объективно являлось основой неоднократного воспроизводства данного вида взаимоотношений между людьми на практике. Таким образом, жизнеспособность договорных отношений обеспечивается за счет наличия в них качеств так называемого *нормативноправового* характера.

По своей природе нормативноправовые отношения зарождаются тогда, когда договаривающиеся стороны добровольно обязуются действовать в определенном нормативном режиме, где мера

прав каждого является эквивалентной мере его обязанности. Но это только изначальное условие, как бы предваряющее переход договорных отношений в правоотношения.

Таковыми в подлинном смысле этого слова они становятся только тогда, когда договор как нечто само собой разумеющееся предполагает, все равно, оговорено это специально или нет, определенную меру гарантии того, что эта эквивалентность не будет произвольно нарушена любым из участников на все время его действия. Ибо любое нарушение, прежде всего в части обязанностей сторон друг перед другом, автоматически превращает данные отношения в *неправовые*. Поэтому, «в договоре, в соглашении, – как писал Гегель, – ... заключено право требовать выполнения обязательства»⁴. Это обстоятельство придает договорным отношениям особый, *логико-правовой* характер.

Одновременно подобный характер взаимоотношений между обязанностями и правами являлся одним из единственно объективных критериев при определении любого поступка человека в качестве справедливого. Ибо как отмечал еще Эпикур: – «Справедливость сама по себе не есть нечто, но в сношениях людей друг с другом в каких бы то ни было местах она есть некоторый договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда»⁵.

Человечество прошло длительный путь, чаще всего методом проб и ошибок, прежде чем оно научилось реализации права «не терпеть вреда» подчинять не чувству, а разуму. Соблюдение приоритета обязательств, а не прав, в договоре способствовало становлению и закреплению процесса социализации индивидов. Ведь любой договор в конечном итоге определял социальные функции и роли, учет которых становился обязательным в процессе осуществления каждым своей индивидуальной жизнедеятельности.

В итоге правоотношения утверждались в обществе в качестве одного из ведущих видов социальных взаимоотношений. Поэтому правоотношения можно определить как такой вид взаимоотношений между людьми, когда его участникам в их индивидуальной жизнедеятельности предоставляется и особым образом гарантируется возможность «не терпеть вреда от других» в случае совершения ими действий, не причиняющих «вреда» другим. При этом характер подобных действий может быть определен и без личного участия в этом каждого из непосредственных участников правоотношений. Забота же об обеспечении данных гарантий на практике в обществе становится уделом деятельности целого ряда специально создаваемых для

этих целей социальных институтов, а также всего государства в целом.

Правда, в истории общества подобные гарантии в полном объеме, как правило, предоставлялись и предоставляются не всем членам социума, а только его отдельной части. Это стало возможным в силу того, что в обществе стала доминировать только одна – субъект-объектная парадигма организации всех видов общественных отношений и социальной деятельности. Тот, кто в силу различного рода обстоятельств, и в первую очередь лежащих в сфере экономики, получил возможность выступать в роли субъекта, конечно же, не мог не «обременить» себя как можно большим количеством прав. Обязанности же при этом оставались уделом тех, кто судьбой был обречен на роль «объекта». Недаром даже название различных типов государств (рабовладельческое, феодальное, капиталистическое) определяется по имени того «субъекта», т. е. социального меньшинства, на службе интересов и прав которого данное государство и состояло.

Даже социалистическое государство, призванное по своей сути служить интересам всего народа, благодаря субъект-объектной парадигме организации социальной деятельности, в конечном итоге, тоже стало служить приоритетному обеспечению интересов и прав все того же социумного меньшинства. Только в роли последнего стал выступать не тот или иной экономически господствующий класс, а новый вид социального симбиоза – парт-гос-хоз-аппарат. Не в этой ли противоестественности своей природе кроется одна из главных причин столь бесславного и скоропостижного заката социалистического строя? И не является ли это убедительным предостережением о неизбежности подобного финала для любого типа человеческого сообщества, если в нем будет доминировать все та же субъект-объектная парадигма организации базовых видов общественных отношений и социальной деятельности?

Эволюция правоотношений, в силу их, поистине универсальной роли в организации важнейших сфер в жизни общества, привела к тому, что их нормы стали приобретать особый социальный статус, становясь *юридическими законами*. Следование требованиям последних становится общеобязательным требованием для всех членов данного типа сообщества. А сам процесс законотворчества, исполнения принимаемых законов и надзор за качеством этого исполнения становится важнейшей функцией государства.

Не имея возможности для подробного освещения всего этого, весьма длительного во времени

процесса, отметим только, что сосредоточив в своих руках судебную, законодательную и исполнительную власть, государство, тем не менее, было вынуждено реализовывать свои функции таким образом, что даже в условиях явного и открытого доминирования интересов отдельных социальных групп, слоев или классов (что в условиях экономического неравенства людей является объективной неизбежностью), существовавшая законодательно-правовая база в той или иной мере все же была обязана учитывать интересы и остальных, как правило, более бедной и более многочисленной по своему составу части общества.

Курс же на построение общества с рыночно ориентированным характером общественных отношений создает весьма благоприятные условия для того, чтобы те, поистине уникальные возможности, которые таит в себе природа правоотношений, служили не только какой-то его отдельной части, а всем членам общества.

Однако, как показывает практика, в законодательской деятельности почти всех без исключения бывших союзных республик уже просматриваются тенденции, дальнейшее сохранение которых вряд ли может способствовать достижению тех целей, служению которым призваны законодатели этих молодых государств. Последние пытаются все виды отношений и деятельности людей уже в новых, так называемых рыночных условиях, вновь поставить под контроль закона. Отсюда – такое изобилие принимаемых ими законов. Наглядным подтверждением может служить тот факт, что в России Государственная Дума рассматривает чуть более половины законопроектов, инициированных и принятых к рассмотрению самими же депутатами.

Так, например, «Государственной Думой второго созыва был рассмотрен 51% законопроектов, принятых Советом палаты к ее рассмотрению. Принятые и одобренные Государственной Думой законы часто отклоняются Советом Федерации и (или) Президентом РФ (в течение 1996-1998 гг. ими отклонялось от 41 до 48% законов, принятых или одобренных Государственной Думой)»⁶.

Однако и принятые законы, по своему качеству, не всегда соответствуют предъявляемым к ним требованиям. Так, «из законов самостоятельного регулирующего характера, принятых в 1994-1998 гг., в тот же период был изменен каждый шестой. При этом в большинстве случаев необходимость изменений обосновывалась их инициаторами не учетом действующим законам значимых особенностей регулируемой ситуации»⁷.

Но и вновь принятым законам вряд ли кто-нибудь пытался определить меру эффективности. Не трудно представить себе ситуацию с законодательной базой молодых суверенных государств даже в недалеком будущем, если подобное отношение к законодательской деятельности сохранится и дальше.

Не менее негативные последствия на качество законодательной базы оказывает то обстоятельство, что в процессе разработки и принятия законов отсутствует сколь-нибудь заметная их логическая взаимосвязь между собой. Появление законов зачастую диктуется обнаружившейся сиюминутной актуальностью или оказывается следствием всевозможных форм лоббирования депутатами корпоративных, партийных или личных интересов. Следствием этого являются законы, которые зачастую в чем-то дублируют друг друга, или даже вступают в противоречие, как между собой, так и с существующей в стране Конституцией.

Несомненно, что многие принятые и принимаемые законы, призванные регулировать отношения общества, так называемого переходного периода, далеки от совершенства. Но им на смену должны прийти не просто другие законы, а законы, соответствующие логике функционирования правового государства. Думается, что в законодательской деятельности сегодня особую актуальность приобретает разработка соответствующей методологической базы и определенной системы понятий, категорий и принципов, которые в области правоотношений не тормозили, а, наоборот, способствовали бы дальнейшему совершенствованию поистине универсальной природы человека в условиях созидания социальности нового типа.

Исходя из того, что сами по себе юридические законы призваны выполнять лишь определенную, сервисную функцию по обслуживанию интересов, как отдельных людей, так и различного рода социальных сообществ, то необходимо, чтобы сами эти законы формировались в логике соблюдения принципа паритетности между этими интересами. В случае возникновения противоречия между ними, приоритет должен оставаться за интересами человека. Это обусловлено тем, что социум всегда обладает большими средствами, а значит и возможностями по сравнению с конкретным человеком в решении проблем любого типа сложности.

В связи с этим, возможен следующий вариант иерархизации и логической взаимосвязи между законами в нормативно-правовой базе, который способствовал бы, в определенной мере, решению этой, весьма не простой задачи.

Поскольку все бывшие союзные республики определили курс на создание государств с рыночно ориентированным характером общественных отношений, то в принципе все многообразие экономических отношений можно свести, в конечном итоге, к отношениям, возникающим между потребителем и производителем. Тогда организацию данных отношений в контексте деятельностного подхода законодательно можно было бы осуществлять путем регулирования действий первого в режиме правового запрета, а второго – правового дозволения.

Подобная же схема могла бы быть использована и в основе правового регулирования взаимоотношений в соответствующей дихотомии, возникающей в обществе, как правило, между физическими субъектами, между физическими и юридическими субъектами, между юридическими субъектами низшего и высшего уровня власти.

В этом случае все юридические законы по их функциональной значимости можно было бы подразделить на три уровня. В первый вошли бы законы, регулирующие жизнедеятельность людей в межличностном плане.

Второй – составили бы законы, регламентирующие взаимоотношения между человеком, властью и государством.

А третий – законы, определяющие характер взаимоотношений между властными структурами различного типа, включая и межгосударственные. При этом необходимо иметь в виду, что поскольку каждый последующий уровень является своего рода сервисным по отношению к предыдущему, так как его появление обусловлено необходимостью решения задач и проблем более высокой степени значимости и сложности, то это должно найти свое отражение и в определенной последовательности, взаимосвязи и взаимозависимости между законами, как внутри каждого из уровней, так и непосредственно между ними.

Таким образом, деятельностный подход может оказать весьма существенную помощь не только в решении теоретических проблем, связанных с осмыслением характера организации всех видов отношений и деятельности в масштабах общества, но и вполне может способствовать их практическому решению в новых социальных реалиях.

Список использованной литературы:

1. Ильенков Э.В. *Философия и культура*. – М.: Политиздат, 1991. – С. 34.
2. Батищев Г.С. *Деятельностная сущность человека как философский принцип*.// Проблема человека в современной философии. – М.: Наука, 1969. – С. 93.
3. Гегель. *Философия права*. – М.: Мысль, 1990. – С. 131.
4. Гегель. Там же – С. 137.
5. *Материалисты древней Греции*. – М.: Политиздат, 1955. – С. 217.
6. Савельева Е.М. *Проблемы совершенствования законодательной деятельности России на федеральном уровне* // Государство и право, 2001, №9. – С. 6.
7. Там же.